

Два солнца медленно клонились к закату. Небо окрасилось в глубокий лазурный цвет; здесь не было привычной луны, лишь мириады ярких звезд мерцали в вышине. Прекрасные потоки Хвера, подобные ласковому вечернему ветру, струились между небом и землей. Они рассыпались тысячами золотых нитей, мягко озаряя величественный темно-синий зал.

Асир все еще метался, бессильно прижимаясь к Хань Цзиню. Сейчас, как и много лет назад, он отбросил всякую гордость и настороженность. Его длинные, сильные бедра были широко разведены. Ребенок уже опустился, входя в родовые пути, и некогда высокий, круглый живот заметно просел. Смертельно бледный, Асир судорожно цеплялся за ладонь Хань Цзиня и, словно ластиющийся кот, искал убежища на его груди.

— А-а... Кх-х... — Он снова задрожал всем телом.

Каждая мышца Асира напряглась, сияющие золотые глаза затуманились слезами, а пальцы мертвой хваткой впились в ладони Хань Цзиня. Их пальцы переплелись — они то сжимали руки до хруста, то на миг отпускали, чтобы схватиться вновь. В этом отчаянном жесте, незаметно для них обоих, сплетались невидимые узы, связывая их истстрадавшиеся сердца.

— Ох... а-а-а...

— Как больно... Господи... — Схватки казались бесконечными. Они накатывали одна за другой, истязая его тело. Асир больше не мог сдерживаться; он метался и плакал на груди у Хань Цзиня.

Шел уже четвертый день, но ребенок все не рождался. Постоянно балансируя на грани невыносимой боли, Асир был близок к безумию. Возможно, именно тепло объятий Хань Цзиня окончательно подточило его волю, лишив той поразительной стойкости, которую он демонстрировал в прошлые дни.

Когда очередная волна боли, грозившая разорвать саму его божественную суть, накатила с новой силой, затмевая любые физические муки, Асир разрыдался. Он больше не находил в себе сил тужиться и лишь инстинктивно вжимался в Хань Цзиня, тщетно пытаясь укрыться от пытки, от которой не было спасения.

Хань Цзинь поспешно обнял его крепче, чувствуя, как Асир становится все более беззащитным, точь-в-точь как когда-то Морис, полностью доверивший ему себя. По крайней мере, в эти минуты невыносимой боли они словно вернулись в прошлое. Тогда он точно так же лежал в его объятиях, метался, изнывая от страданий, прежде чем на свет появилась Кэтрин.

— Почему он не выходит?! — сквозь слезы вскрикнул Асир.

— А-ах!

— Как же больно! — Он мертвой хваткой вцепился в Хань Цзиня и снова выгнулся на пике схватки. Превозмогая изнурение, он яростно тужился, пытаясь вытолкнуть застрявшего в родовых путях ребенка, но едва боль на мгновение отступила, бессильно рухнул обратно на грудь мужчины.

Хань Цзин ничем не мог облегчить его страдания — он даже не решался прикоснуться к его животу, чтобы помочь мягким давлением. Ему оставалось лишь сжимать Асира в объятиях, сглатывая слезы и шепча бессмысленные, пустые слова утешения.

Асиру показалось, что ребенок наконец продвинулся. После недавней судороги, едва не разорвавшей его естество, плод медленно пошел вниз. Конец этой нескончаемой пытке был близок! Эта мысль вернула ему угасающие силы, и он, собрав остатки воли, принялся отчаянно, исступленно тужиться.

Хань Цзин заметил, что с каждым мучительным вздохом Асира плиты древнего темно-синего зала под ними начинали светиться золотом. Словно золотые вены самой земли проступили сквозь камень, стягивая потоки чистой энергии к их ложу.

Асир раз за разом собирал все силы. Ему казалось, что головка малыша уже совсем близко, у самого выхода, но стоило ему на мгновение ослабить натяжение, как крупный плод упрямо ускользал обратно вглубь. Это повторялось десятки раз, и даже божественное терпение Асира начало уступать место глухой, изнуряющей ярости.

— Да почему же он не выходит?!

— Почему... а-а-а! — В отчаянии Асир запрокинул голову, являя миру безупречную линию шеи, и зарыдал от бессилия. Его колотило крупной дрожью. Ребенок застрял в узких родовых путях и, словно страдая от тесноты, судорожно толкался изнутри — его высокий живот ходил ходуном.

Мука была невыносимой. Широко разведенные бедра Асира мелко дрожали, все его тело вытянулось в струну, готовое вот-вот лопнуть от нечеловеческого напряжения.

— Больно! Помоги мне... а-ах... — Асир сжимал руку Хань Цзиня, глотая слезы. В этот миг в его душе вспыхнула горькая обида. Он злился на Хань Цзиня: зачем, ну зачем тот ранил его?! Если бы не эта рана, разве пришлось бы ему, великому богу, терпеть такое унижение и слабость?!

Не считаясь с протестами Асира, Хань Цзин бережно уложил его обратно на постель, чтобы осмотреть родовые пути. Во время схваток он не мог даже прикоснуться к напряженному животу Асира, чье тело инстинктивно сжималось от боли. Мужчине оставалось лишь беспомощно наблюдать, как макушка младенца показывается на вдохе и снова скрывается под жалобный стон.

Это повторялось вновь и вновь, доводя Асира до исступления.

— Так не пойдет, нужно сменить позу, — Хань Цзин весь взмок от нервного напряжения. Если ребенок не родится сегодня, пойдет пятый день мучений. Мужчину охватил леденящий ужас: перед глазами стояла издевательская усмешка голограммы Альтерана. Тот явно рассчитывал, что Асир сгорит, истощив свою божественную суть при родах. Если процесс затянется, Асир просто не выдержит и погибнет от истощения.

— Позволь мне приподнять тебя. Обними меня за плечи, вертикально ребенку будет легче идти вниз, — бледный как полотно Хань Цзин старался говорить уверенно, маскируя грызущую его панику.

Как и следовало ожидать, Асир наотрез отказался. Кэтрин он родил именно так, полулежа в объятиях Хань Цзиня, и это положение казалось ему единственно верным. К тому же, плод был уже на выходе — вдруг из-за перемены позы он уйдет совсем глубоко?

Измученный дикой болью, Асир бессильно обмяк на руках мужчины, тяжело и прерывисто дыша.

— Я... останусь так... а-ах...

— Боль... Хань Цзин... о-о-ох...

— Не трогай меня! — сорвался он на крик, когда очередная судорога пронзила его поясницу.

Хань Цзин поспешил прижать к себе содрогающегося от боли партнера, крепко сжимая его влажную ладонь, стараясь передать ему хоть каплю своей силы.

Когда схватка наконец пошла на спад, он нежно коснулся губами лба Асира, убирая мокрые серебряные пряди, и негромко зашептал:

— Я никогда не причиню тебе вреда, Морис. Слышишь? Ты — все, что у меня есть. Я бы жизнь отдал за тебя, только верь мне.

— Но ты ведь ранил меня, — тихо, с затаенной горечью отозвался Асир.

Хань Цзин оцепенел. На губах его появилась горькая усмешка:

— Потому что ты был слишком безжалостен...

«Разве мог бы я поднять на тебя руку, если бы знал, каким беззащитным ты окажешься сейчас?» — подумал он.

— В прошлом я совершил много ошибок, — сипло продолжил Хань Цзин. — Но сейчас, прошу, доверься мне. Смени позу. Так малыш родится быстрее.

— Не верю, — прошептал Асир, но слова его потонули в новом приступе боли.

Схватки теперь шли непрерывной чередой, практически лишая его передышки. Застрявший младенец забился сильнее, причиняя невыносимые муки, словно разрывая изнутри саму его божественную сущность. Асир непрестанно стонал, его бедра и поясница содрогались в конвульсиях, а из глаз катились слезы.

Видя, что Асир на грани безумия, а роды так и не продвигаются, Хань Цзин решился действовать наперекор его воле. Поймав момент, когда Асир был наиболее слаб и изнурен очередной схваткой, он упрямо обхватил его под мышки и приподнял с постели.

На пике дикой боли Асир инстинктивно хотел ударить его своей силой, но в последний момент сдержался, лишь сорвавшись на истошный крик. Он не мог заставить себя ранить того, кто держал его так бережно.

— А-а-а-ах!.. — Его заколотило еще сильнее. Из-за того, что ему пришлось тратить ментальные силы на сдерживание своей мощи, барьер самоконтроля рухнул. Он без сил повис на Хань Цзине, хрипло, по-звериному стоная.

Боль была неопишуемой. Казалось, внизу живота застрял раскаленный, тяжелый валун, медленно перемалывающий его плоть и душу в порошок.

Асир уткнулся лицом в плечо Хань Цзиня, судорожно всхлипывая и сжимая его до синяков. Стоя на коленях на постели, он позволил мужчине полностью удерживать свой вес.

— Не сдерживайся, кричи, если нужно... — ласково шептал Хань Цзин, поглаживая его по вздрагивающей спине. Он чувствовал, как Асир всем существом цепляется за него. — Зачем тебе прятать свою слабость от меня? Потерпи еще немного, совсем чуть-чуть, и все закончится. Малыш обязательно родится.

— Я — бог... Я создал бесчисленное множество миров и рас, я лучше знаю, что делать, — едва переведя дух, прошептал Асир. Он все еще злился на бесцеремонность Хань Цзиня, но рук с его шеи так и не убрал, прижимаясь к нему всем телом.

Слыша его ворчание, Хань Цзин облегченно выдохнул:

— Да, ты великий бог, высшее существо. Но твой народ никогда не вынашивал детей, для вас роды — лишь сухие формулы и терабайты данных. Человечество же продолжает свой род тысячелетиями. В этом мы сильнее вас, и опыта у меня побольше. Так что слушай меня.

Жестокое напоминание о том, что Асир на самом деле — Руна, вновь укололо сердце Хань Цзиня, словно его окатили ледяной водой. На миг он оцепенел от накатившей безысходности, но тут же подавил внутреннюю боль и лишь крепче сжал Асира в объятиях, заставив свой голос звучать твердо и уверенно.

Асир промолчал, уткнувшись лбом в его шею. Его безграничная гордость бунтовала, но разум вынужден был признать правоту Хань Цзиня. У него действительно не было опыта. Даже будучи Морисом, он мало интересовался медицинскими отчетами на эту тему — Хань Цзин полностью оградил его от забот, следил за питанием, ухаживал и не давал повода для беспокойства.

Воспоминания о прежней нежности Хань Цзиня, о каждом дне, проведенном вместе, заставили Асира замереть. Он молча прижался к нему еще теснее, крепко обнимая в ответ. Но стоило ему расслабиться, как новая, ослепляющая волна боли зародилась в глубине его отяжелевшего живота. Деваться было некуда. Задрожав всем телом, он снова натужился, и его глухой, жалобный плач зазвучал прямо над ухом Хань Цзиня.

Сердце Хань Цзиня разрывалось от этой муки. Он обнимал исстрадавшегося возлюбленного, осыпал поцелуями его бледное лицо и бережно гладил его дрожащую спину, пытаясь забрать хотя бы часть его боли.

Асир плакал от разрывающей его боли, мертвой хваткой цепляясь за мужчину. Ему казалось, что его физическое тело и божественное естество безжалостно рвут пополам. В вертикальном положении схватки стали куда сильнее и стремительнее, накатывая одна за другой, словно яростный прилив, грозящий поглотить его без остатка.

Обнимая Хань Цзиня, он чувствовал непривычную, горькую обиду. Его холодная броня разлетелась вдребезги, обнажив глубоко скрытую уязвимость — ту самую слабость, которую он так тщательно прятал.

Стоило ему оказаться в этих руках, как вся его непреклонность улетучилась; он больше не мог, как в прошлые дни, безмолвно сносить пытку...

Асир и сам не понимал, что с ним происходит, но у него просто не осталось сил защищаться. Он доверчиво принял к Хань Цзиню, совершая одно отчаянное усилие за другим. Наконец он почувствовал, как ребенок продвинулся к самому выходу. Закричав от пронзительной боли, Асир покачнулся — его колени подкосились, он больше не мог держаться на ногах.

Хань Цзин намертво вцепился в оседающее тело Асира. Тот испытывал столь невыносимую муку, что на миг потерял контроль над своей божественной силой — его пальцы сжали плечи Хань Цзиня с такой силой, что кости затрещали, готовые вот-вот сломаться.

Но как раз в тот миг, когда Хань Цзиню показалось, что его плечевые суставы раздроблены, и он едва не выронил Асира, тот внезапно обмяк. Словно сделав последний вздох перед концом света, он тяжело навалился на его грудь.

— Родился... — выдохнул Асир ему в самое ухо, угасающим от смертельной усталости голосом.

По лицу Хань Цзиня покатались слезы облегчения. Он чувствовал себя так, словно сам только что балансировал на краю пропасти. Он бережно уложил Асира на постель. Изнуренный четырехдневными муками и колоссальной потерей божественной энергии, тот лежал неподвижно, не в силах шевельнуть и пальцем.

Он безучастно позволил Хань Цзиню омыть и переодеть себя. Его разум опустел, ушли все тревоги и мысли; осталось лишь глубокое, умиротворяющее тепло и покой, окутавшие его исстрадавшееся тело.

Хань Цзин осторожно принял новорожденную. Это была девочка — на удивление крупная, гораздо тяжелее, чем Кэтрин при рождении; неудивительно, что она так измучила своего родителя. Травмы, полученные Асиром при родах, были тяжелыми, однако его совершенное божественное тело сразу же после появления младенца на свет начало стремительно восстанавливаться, возвращая прежнюю безупречность.

Заметив, как Асир устало сомкнул бедра, словно смущаясь его взгляда, Хань Цзин деликатно отвернулся и занялся дочерью. Как некогда и Кэтрин, девочка родилась удивительно красивой: ее личико не было сморщенным или припухлым, черты лица уже сейчас казались тонкими и четкими. Кожа была нежной, розовато-белой, а ясные янтарные глазки безмятежно разглядывали отца. В ее чистом, доверчивом взгляде читалось интуитивное узнавание, а крошечный, изящный ротик тронула едва заметная улыбка.

Ее тельце окутывало едва различимое мягкое свечение. Должно быть, она впитала слишком много созидательной энергии Асира во время родов.

Хань Цзин не знал наверняка, но малышка казалась ему самым прекрасным созданием на свете. В ее чертах угадывалось невероятное сходство и с ним самим, и с Морисом, а мягкий пушок волос на голове имел тот же благородный пепельно-серый оттенок, что и у Кэтрин.

— Посмотри, у нас дочь, — Хань Цзин присел на край постели и осторожно опустил сверток рядом с Асиром. — Настоящая красавица. Только очень упрямая — так долго мучила тебя.

Асир коснулся пальцем крошечной щечки. При воспоминании о пережитом кошмаре в его золотых глазах промелькнула редкая для него нежность.

— Это того стоило...

— Назовем ее Алисой. Кэтрин очень хотела это имя, — тихо произнес он, ничуть не удивившись исходящему от девочки свечению.

Как и в прошлый раз, силы быстро оставили его. Свинцовая усталость навалилась на Асира, и

он, отбросив все предосторожности, крепко уснул прямо на глазах у Хань Цзиня.

На душе у Хань Цзиня было беспокойно. Трудно было даже вообразить, через какие муки прошел Асир, чтобы подарить жизнь их общему ребенку... Мысли путались, голова казалась неимоверно тяжелой. Хань Цзин инстинктивно пытался отгородиться от навалившихся проблем и тревог о будущем, твердя себе лишь одно: сейчас главное — позаботиться об Асире и их дочерях, которым он так нужен.

Он сидел у изголовья постели, сжимая в ладони его руку. Даже на пике нечеловеческих страданий Асир звал только его, судорожно цепляясь за него, словно за единственное спасение, за величайшее сокровище во всей Вселенной. Это безмолвное, искреннее доверие Хань Цзин не забудет никогда.

Его сердце болезненно сжалось. Склонившись ниже, он благоговейно прижался губами к тонким пальцам Асира.

Асир безмятежно спал. Его длинные серебряные волосы шелковым веером рассыпались по подушке. Лицо разгладилось, лишившись привычной надменности и холодного величия; сейчас он выглядел удивительно мирным и умиротворенным — совсем как прежний Морис, когда тот чувствовал себя в полной безопасности.

На миг Хань Цзиню показалось, что они вернулись в те далекие, счастливые времена. Взгляд его потеплел, наполняясь безграничной нежностью к спящему супругу.

Тихий, торопливый шорох у дверей зала заставил его очнуться от раздумий.

— Папа! — Кэтрин бросилась к нему, едва он переступил порог. Ее глаза были опухшими и красными от слез — похоже, девочка не сомкнула глаз всю ночь.

— Отец все еще страдает? Как он?! — Она едва сдерживала рыдания. Кэтрин уже дважды пыталась прорваться в зал, но Хань Цзин каждый раз мягко уводил ее, не желая, чтобы дочь видела мучения Асира. И все же сквозь тяжелые двери до нее долетали его приглушенные, полные невыносимой боли стоны. Их кровная связь была слишком сильна, и Кэтрин физически ощущала каждое его страдание.

Хань Цзин прижал дочь к себе, успокаивающе поглаживая по голове:

— Тише, милая, не плачь. С твоим отцом все хорошо. У тебя родилась маленькая сестренка, а папа сейчас спит, он очень устал.

— Не шуми, когда войдешь, ладно? Ему нужен покой, не нужно заставлять его волноваться еще и о тебе, — ласково уговаривал он девочку, глядя, как бледнеют звезды на небосводе, предвещая скорый рассвет.

Кэтрин шмыгнула носом и послушно кивнула:

— Я поняла... Обещаю, я больше никогда не буду расстраивать отца.

Она была не шутку напугана, до этого момента даже не подозревая, через какие мучения приходится проходить родителям, даруя жизнь своим детям.

Хань Цзин поднял дочь на руки и бесшумно проскользнул обратно в покои.

Кэтрин обняла его за шею, удивленно озираясь вокруг. С тех пор как они поселились в Городе богов, она прибегала сюда ежедневно, а в первые дни от страха даже спала вместе с Асиром. Но такого великолепия ей видеть еще не приходилось. Огромный темно-синий зал мерцал таинственным золотистым светом — казалось, золотые жилы планеты проросли сквозь каменный пол и теперь питали ложе отца чистой силой. А мягкие потоки Хвера, кружась в воздухе подобно тепловому сквозняку, наполняли комнату мириадами сверкающих пылинок.

«Почему все так светится?» — шепотом спросила Кэтрин на ухо отцу. Хань Цзин лишь покачал головой — он и сам не знал ответа, посчитав это естественным проявлением божественной магии Асира, ведь свечение появилось еще в самом начале тяжелых родов.

— Познакомься, это твоя сестренка, Алиса, — прошептал Хань Цзин, поднося спящую кроху к Кэтрин. Они втроем устроились возле постели спящего Асира.

Малышка мгновенно завладела вниманием старшей сестры. Ведомая инстинктивной кровной привязанностью, Кэтрин просияла от восторга.

— Какая крошечная... И она смотрит прямо на меня, папа! — затаив дыхание, выдохнула Кэтрин.

Хань Цзин тепло улыбнулся:

— На самом деле она довольно крупная. Гораздо тяжелее, чем была ты, потому твоему отцу и пришлось так несладко.

— Теперь ты старшая сестра, Кэтрин. Тебе нужно будет помогать заботиться о ней.

— Я знаю! Я буду с ней играть, — пообещала Кэтрин, нежно коснувшись пальчиком бархатистой кожи младенца, но ее открытая детская улыбка вдруг подернулась грустью. — Она такая красивая... и очень похожа на меня, правда, папа?

— Конечно похожа. Вы ведь родные сестры, в жилах обеих течет наша с отцом кровь. Как может быть иначе?

— Да, очень похожа... Особенно на ту меня, какой я была раньше. И глаза... совсем как... — Голос Кэтрин прервался, она всхлипнула.

Мысль о переселении душ — о страшном ритуале захвата тела — тяжким грузом легла на ее детское сердце. Самым невыносимым для нее было понимание того, что физически она больше не то дитя, которое когда-то выносил и родил ее отец.

Улыбка застыла на лице Хань Цзиня. словно ледяной ушат опрокинули ему на голову, сковав конечности холодом. Его новорожденная дочь — тоже Руна. Маленькую Алису ждет та же страшная участь, что и Кэтрин: неизлечимая космическая чума и неизбежный, жуткий ритуал захвата чужого тела. Иначе... иначе ему останется лишь беспомощно смотреть, как болезнь медленно угащает жизнь его детей.

Эта мысль отозвалась в груди Хань Цзиня невыносимой, удушающей болью. Будущее рисовалось в самых мрачных красках, лишая его остатков душевного равновесия.

Ему пришлось зажмуриться, чтобы сдержать слезы. Дрожащими руками он крепко прижал к себе притихшую, ранимую Кэтрин.

«Я люблю тебя, Морис»

«Я сделаю тебя счастливым. Куда счастливее, чем в той иллюзии Атлантиды...»

«Обещаю, я всю жизнь буду беречь тебя, любить преданнее, чем в том иллюзорном мире. Могу ли я... попросить твоей руки?»

Ласковый, согревающий шепот у самого уха, нежное прикосновение щеки к щеке... Сердце тогда колотилось так быстро, словно готово было выпрыгнуть из груди.

В руках у него был альбом. На каждой странице красовались искусно нарисованные розы, выведенные чистым серебром; их лепестки мерцали рубиновой крошкой, а листья отливали прозрачной изумрудной зеленью. Но пальцы согревало вовсе не драгоценное сияние камней, а запечатленные на бумаге портреты. Пусть рисунки и не отличались мастерством профессионала, для него они были верхом совершенства.

На этих набросках он улыбался так искренне и тепло, будто сквозь бумагу проступали все пережитые в иллюзии мгновения счастья. В каждом штрихе, в каждой линии сквозила подлинная, глубокая любовь...

«Я не позволю никому навредить тебе, Морис»

«Что бы ни случилось, мы ведь всегда будем вместе? Правда?»

«Конечно. Я буду защищать тебя до самого конца»

Он сам тянулся навстречу, послушно утыкаясь в его грудь, отвечая на поцелуи и позволяя ласкать свои щеки, перебирать длинные серебряные пряди. В этих объятиях было так тепло и спокойно, что хотелось остаться в них навечно.

Асир медленно возвращался из этого убаюкивающего сна. Не спеша открывать глаза, он прислушивался к собственным ощущениям, и лишь спустя минуту распахнул сияющие золотые глаза. В их глубине больше не было привычного льда — лишь мягкие, теплые волны умиротворения. Его ладонь бережно сжимали чужие теплые пальцы.

Хань Цзин действительно не отходил от него ни на шаг. Изнуренный, он уснул прямо у постели, так и не выпустив его руки.

Асир замер. Он медленно повернул голову, глядя на спящего мужчину, и взгляд его упал на кольцо, тускло поблескивающее на безымянном пальце Хань Цзиня — то самое, из его недавнего сна.

Обручальное кольцо...

Та былая, чистая радость вновь всколыхнулась в его груди, отдаваясь сладким трепетом в самом сердце. Это чувство было неподвластно ни логике, ни его божественной воле.

Длинные ресницы Асира дрогнули. Сам того не замечая, он слабо сжал в ответ пальцы Хань Цзиня.

Он слишком хорошо понимал: Хань Цзин остался прежним. Что в иллюзорной Атлантиде, что здесь, в реальности, этот человек проливал слезы только ради него одного. И сам Асир тоже не смог до конца отречься от прошлого. Вся его напускная холодность, безразличие и даже злость рассыпались в прах перед лицом невыносимой боли. Когда страдания разрывали его душу, сдирая защитную броню до крови, единственным, кого он отчаянно желал видеть рядом, был Хань Цзин.

Именно Хань Цзин прошел с ним через этот ад, ни на миг не ослабив хватки.

Чувства переполняли Асира. Обида, ярость, слезы бессилия — все эти глубоко человеческие переживания были в новинку для великого бога. И сейчас он впервые всерьез задумался над ними, пытаясь принять новые грани своего существа.

Почувствовав слабое ответное пожатие, Хань Цзин мгновенно очнулся и поднял голову.

— Как ты? Что-нибудь болит? — Он поспешно приподнялся и осторожно прижал к себе Асира, который попытался сесть.

Асир на мгновение напрягся, но затем расслабился, послушно утыкаясь носом в плечо мужчины.

— Все хорошо... Просто сил совсем нет, — тихо отозвался он. Заметив, что на нем чистая сухая одежда, он удивленно приподнял брови: — Это ты меня переодел?

— Ты только что перенес тяжелые роды, твое тело истощено. Я немного привел тебя в порядок. Вода была горячей, так что ты не простудишься.

— А одежду принесла Кэтрин. Она ориентируется в твоём дворце куда лучше меня, — мягко улыбнулся Хань Цзин, поудобнее устраивая Асира на своём плече. Он заботился о нём точно так же, как и после рождения первой дочери.

Асир лишь молча кивнул, принимая эту заботу. На самом деле, несмотря на колоссальную потерю божественной энергии, его совершенный организм уже восстановился, и он не нуждался в постельном режиме, обязательном для обычных людей. Но возражать не хотелось.

— Что бы ты хотел съесть? Я могу приготовить для тебя питательный бульон, чтобы ты быстрее восстановил силы.

— В этом нет нужды, я быстро приду в себя. К тому же... разве ты умеешь готовить подобные вещи? — возразил Асир. Ему не хотелось, чтобы Хань Цзин суетился, а может, он просто не желал отпускать его от себя ни на минуту.

Хань Цзин на мгновение замялся, в его глазах промелькнула едва заметная тень грусти, которую Асир тут же уловил.

Мужчина поспешил перевести разговор на другую тему, глубоко запрятав свои переживания. Между ними все же пролегла незримая трещина — прежняя абсолютная искренность и духовное единение без секретов остались в прошлом.

— Взглянь на Алису. Кэтрин только что сидела с ней, — Хань Цзин бережно перенес люльку ближе к постели. — Я отправил ее поспать, она ведь безумно переживала за тебя и не спала всю ночь.

— Посмотри на нее. У нее чудесные глаза... Она очень похожа на тебя.

— Не нужно подниматься. Ты так долго мучился, просто отдохни на моем плече, — прошептал Хань Цзин.

Пока Хань Цзин ласково баюкал малышку, Асир хранил молчание, но послушно склонил голову на его плечо. Слабость все еще давала о себе знать, и он лишь изредка подавал голос, лениво отвечая на слова мужчины.

Почувствовав, как голова Асира тяжелеет, уютно устраиваясь на его плече, Хань Цзин замер. Он осторожно уложил спящую дочку между ними, а свободной рукой приобнял Асира за талию.

— Устал? — нежно спросил он, поворачивая голову. Их лица оказались так близко, что ресницы едва не соприкасались, а дыхание смешивалось в одно теплое облако.

Асир инстинктивно попытался отстраниться, но в его золотых глазах Хань Цзин заметил до боли знакомое смятение — то самое робкое противоборство желания и гордости, которое он так часто видел у Мориса в самом начале их отношений.

— Морис... — сорвался с его губ тихий вздох.

Хань Цзин всматривался в любимые черты лица. Ему казалось, что он потерял его навеки, но Морис был здесь, совсем рядом. Месяц разлуки показался обоим бесконечной, мучительной вечностью.

Глаза защипало от подступающих слез. Хань Цзин не мог подобрать слов, чтобы выразить всю гамму бушующих в груди чувств. Ему безумно, до боли хотелось коснуться этой бледной щеки, почувствовать вкус его губ еще раз.

Их взгляды встретились, сплетаясь в немом, красноречивом диалоге...

Не в силах больше бороться с искушением, Хань Цзин прильнул к желанным губам. Он ощутил, как тело Асира на мгновение напряглось от неожиданности, но Хань Цзиню уже было все равно. Он отбросил все сомнения, увлекая его в глубокий, нежный поцелуй и крепко сжимая в объятиях.

Родной, дурманный запах, скользящие от лопаток к бедрам ладони... Это трепетное прикосновение в точности повторяло ощущения из его сна. Асир медленно сдался, неуверенно отвечая на поцелуй. Сладостное оцепенение разлилось по его венам, лишая тело остатков воли. Каждая клеточка его кожи, от мочек ушей до кончиков пальцев, словно пробудилась от долгой спячки, вспоминая былую страсть и ласки. Поддавшись порыву, он теснее прижался к Хань Цзиню, безмолвно умоляя о большем.

Но когда дыхание его сбилось, и он сам увлек Хань Цзиня за собой, а волна щемящего, почти забытого наслаждения жаркой лавиной прокатилась по телу, Асир внезапно очнулся. Охваченный паникой и стыдом, он резко отпрянул. Его безупречное лицо мгновенно заледенело, вновь маскируясь привычным высокомерием, хотя кожа все еще горела от возбуждения.

Пораженный этой внезапной переменой, Хань Цзин сперва растерялся, но быстро осознал причину. Как мог этот гордый бог позволить себе слабость подчинения простому смертному?

Он — великая Руна, высшее божество. А Хань Цзин — лишь представитель расы людей, созданной его сородичами...

Прошлого не вернуть. На что он вообще надеялся?

Хань Цзин мысленно горько усмехнулся собственной глупости.

<http://bllate.org/book/19677/2006509>